

ЭКРАН И СЦЕНА

16 мая 1989 г. 5

Соб. корреспонденция

ИМЕНА

А ГОЛОС ОКАЗАЛСЯ БОЛЬШИМ...

ВЕРОЯТНО, многие знают историю, приключившуюся с С. Я. Лемешевым более полувека назад. Почти сразу после зачисления в труппу Большого театра он ушел из нее, не захотев принять традицию, по которой молодые певцы должны были «расти» на партиях типа «кушать подано»...

Традиция эта жива и поныне. Редкий певец имеет возможность начать свою творческую жизнь в театре не с эпизодических ролей. 28-летний стажер Аркадий Мишенский такую возможность получил: за полтора года работы в оперной труппе ГАБТа СССР он спел Ленского, Гвидона в «Золотом петушке», вердиевского Альфреда, Яромира в «Младце», Герцога во вновь поставленном «Риголетто». Что это, редкое везение или времена изменились? Вероятно, и то, и другое — в приложении к несомненному таланту.

«Голосок, конечно, маленький, но парень очень музыкален», — примерно с такой характеристикой 18-летний Мишенский был принят в Казанское музыкальное училище. До

этого был механический техникум, откуда, недоучившись, он ушел на завод слесарем-сборщиком (с тех пор, кстати, умеет все в доме починить и наладить). После работы учился в вечерней школе и пел в модных тогда ВИА. И хотя петь, играть на гитаре любил с детства, о профессиональном музыкальном образовании, не говоря уж об оперной карьере, даже не помышлял.

Вспоминая об этом, он, вероятно, чуть-чуть лукавит. Потому что достаточно было незначительного толчка — совета какого-то знакомого, данного вскользь, чтобы он оказался у дверей музучилища. Попал Аркадий в вокальный класс к педагогу Л. Гафенко, и это была, по-видимому, одна из самых больших его удач: после года занятий с Лидией Ивановной недавний обладатель «маленького голоска» спел на приемных экзаменах в Московской консерватории Романс Неморино и был принят на подготовительное отделение. А спустя положенный срок столь же благополучно (в дипломе по спецпредметам — одни пятерки) закончил кон-

серваторию. Здесь принято добавлять: «по классу педагога такого-то». Но добавить нечего.

Еще на третьем курсе Мишенский вдруг почувствовал, что как певец стоит на месте, что занятия по вокалу не приносят удовлетворения и впереди — тупик, единственным выходом из которого ему показалось обращение к иным принципам вокального обучения. Переход студента от одного преподавателя к другому в музыкальных вузах явление не столь уж редкое (хотя всегда неприятное для обеих сторон), но Мишенскому в подобной просьбе было отказано. А с тем, что он все же стал «ничейным», почему-то примирились.

По счастью, к тому времени Аркадий уже точно знал, что он хочет и что может, и потому быстро нашел выход из положения. Он стал посещать — просто послушать — уроки профессора Н. Дорлиак, которая была и остается для него эталоном музыканта высочайшей культуры, зачитал в ансамблевый класс В. Чачавы и вообще просто с удовольствием учил-

ся, не зная, что такое нелюбимые предметы.

А. Масленников, репетировавший с Мишенским партию Ленского — первую его партию в Большом театре, вспоминает, как молодой стажер долгое время не мог примириться с режиссерским решением — петь знаменитую сцену перед дуэлью сидя. Неудобно, голос не прозвучит. Стоило немало труда заставить его думать не о том, как он, Аркадий Мишенский, должен взять верхнее ля бемоль, а о том, что его, Владимира Ленского, вероятно, убьют. Зрители, побывавшие на спектакле «Евгений Онегин», должны были, оценили результаты той внутренней работы, которую пришлось проделать артисту. Свежий, красивый голос, романтический облик, ясное слово — все это было у Мишенкина — Ленского. Но было и еще нечто, заставившее зал замереть в едином с героем предчувствии нелепой гибели, хотя ответ на звучащий в тот миг вопрос «что день грядущий мне готовит?» был всем давно известен.

Премьеру «Млады» Мишен-

кин пел почти сразу после возвращения из Будапешта, куда был приглашен на одно представление «Травиаты». В два дня певец должен был обернуться мифическим славянским князем, оставить «фрачные» манеры Альфреда де Жермона и обрести языческую свободу Яромира, перенестись из мира вердиевской, изысканного вкуса и гармонии, музыки в причудливый, противоречивый музыкальный мир Римского-Корсакова. Проблемы перевоплощения сплелись с вокально-техническими трудностями — неудобной тесситурой партии, необходимостью «перепеть» мощное звучание хора и оркестра. Мишенский сделал все, что мог, и его Яромир стал заметным в многомерном, насыщенном персонажами и сценическими эффектами действе.

Как сложится дальнейшая творческая судьба певца? Кто знает. Театр — сложный и достаточно противоречивый организм, да и удача — дама капризная. Но хочется верить, что продолжение будет таким же ярким, как и начало.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

● А. Мишенский — Альфред.

Фото Л. Педенчук.

